

УДК 070

**ИСТОКИ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОТВОРЧЕСТВА
В ПРИЖИЗНЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТВОРЧЕСТВА
А.С. ПУШКИНА**

Д.В. Туманов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается генезис мифологизации биографии и творческого наследия А.С. Пушкина. Социальное образотворчество выступает местом синтеза в общественном сознании литературной репутации и литературного мифа. Прослеживаются этапы его формирования в прижизненной критике и мемуаристике пушкинского круга. Обращая внимание на то, что впервые осмысление творчества и личности поэта возникает на раннем этапе развития А.С. Пушкина, автор указывает: первая попытка сформировать литературную репутацию поэта оказала влияние не только на вектор дальнейшего анализа его произведений, но и на траекторию его дальнейшего творчества. Не без активного участия самого писателя его литературная репутация начинает срастаться с литературным мифом о нем. В статье показано, как возникает этот конструкт в результате концептуальной интеграции темпорального опыта в пространственно-визуальные образы, семантические фреймы и нарративы.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, социальное образотворчество, литературная репутация, литературный миф, мистификация, публицистическая пушкиниана

Если литературная репутация – «исторически изменчивый процесс формирования общепринятых (т. е. разделяемых большинством... независимо от наличия непосредственного опыта восприятия произведений писателя) суждений об авторе и его творчестве», которые «высказываются авторитетными участниками литературной системы и распространяются к широким читательским кругам через ряд авторитетных социальных и культурных институтов (литературная критика, журналистика, система книгоиздания, образовательная система и т. д.)» [1, с. 25], а литературный миф, и в частности миф о писателе, – своеобразная материализация «идеи, которая не успела стать реальностью и потому брезжит вечным символом <...> то, что не реализовалось, но как-то заявило о себе, оформилось хотя бы зачаточно» [2, с. 170–171], то социальное образотворчество – это место встречи литературной репутации и литературного мифа, когда транслируемое в широкие читательские круги авторитетное мнение причудливо переплетается с глубоко личностным, индивидуальным переживанием судьбы писателя и рождает в массовом сознании имидж медийной личности, тесно связанный с определённой идеологией.

«Основные причины возникновения мифа – потребность нации в самоидентификации, с одной стороны, и в воплощении сакрального – с другой», – отмечает М.В. Загидуллина [3, с. 191]. Она убеждена, что «миф – это совокупность реакций национального масштаба на творчество и личность», тогда как литературная репутация «значительно уже явления, вполне охватываемого выражением “пушкинский миф”, поскольку имеет дело лишь с некоторыми сторонами таких реакций национального масштаба» [3, с. 9].

Литературная репутация А.С. Пушкина, содержащая «характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя» [4, с. 51], начала складываться ещё при его жизни, сразу после публикации отрывка из поэмы «Руслан и Людмила» в апрельском номере журнала «Сын Отечества» (I).

Почти одновременно с этой анонимной публикацией состоялась атрибутированная публикация другого отрывка из этой же поэмы в журнале «Невский зритель» (II). А в конце июля вышло полное издание «Руслана и Людмилы» отдельной книжкой (III).

Уже первые отклики на «Руслана и Людмилу» содержали крайне противоположные оценки. В одних поэт предстал грубым подражателем древнерусских баллад, в других – оригинальным продолжателем традиций всемирной литературы.

«Позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: *здорово, ребята!* Неужели стали бы таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне, старику, сказать публике, посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины вновь появились между нами! Шутка грубая, неодобряемая вкусом просвещённым, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна», – убеждал читателей «Вестника Европы» критик, фольклорист и теоретик литературы А.Г. Глаголев, скрывшийся за подписью «Житель Бутырской слободы» [5, с. 220].

Почти сразу же ему был дан ответ на страницах «Сына Отечества», где неизвестный автор письма «К издателю “Сына Отечества”» сравнивает первую поэму А.С. Пушкина с «Одиссеей» Гомера, «Неистовым Роландом» Л. Ариосто, «Налоем» Л. Буало, «Обероном» К.М. Виланда, находя в ней достойное продолжение национальных эпических сочинений [6].

На что, в свою очередь, А.Г. Глаголев вновь подчеркивает, что не имеет в виду бранить автора критикуемой поэмы: «Мне хотелось показать, куда может завести подражателей смелый шаг писателя оригинального, если господа подражатели и последователи не управляются талантами, равными таланту образца их, и если не слушаются советов благоразумной критики» [7, с. 286].

Как видим, литературная репутация А.С. Пушкина с первых его шагов складывается не как разбор личных качеств и проявлений таланта, а как предмет обсуждения ориентира массового подражания и возможного источника для будущих историков.

Так, например, А.Ф. Воейков, поэт, переводчик, критик, издатель и журналист, замечает, что автор поэмы «любит проговариваться, изъясняться двусмысленно, намекать, если сказать ему не позволено, и кстати и некстати употреблять

эпитеты: нагие, полунагие, в одной сорочке, у него даже и холмы нагие, и сабли нагие. Он беспрестанно томится какими-то желаниями, сладострастными мечтами, во сне и наяву ласкает молодые прелести дев; вкушает восторги и проч. Какое несправедливое понятие составят себе наши потомки, если по нескольким грубым картинам, между прелестными картинами расставленным, вздумают судить об испорченности вкуса нашего в XIX столетии!» [8, с. 155].

Однако и он ставит в заслугу юному поэту, что тот «поступил очень хорошо, написав сию богатырскую поэму стихами, и предпочел идти по следам Ариоста и Виланда, а не Флориана. Хорошие судии, истинные знатоки изящного не одобряют такого рода творений в прозе. Они не знают до сих пор, как назвать их; ибо прозаическая поэма есть противоречие в словах, чудовищное произведение в искусстве; они также не называют их романами, ибо величественный ход и возвышенный язык эпопеи не допускает в сии странного рода сочинения ни простоты подробностей, ни описания простонародных обычаев и обыкновенных страстей, составляющих достоинство хороших романов. Из всего этого следует, что стихотворение, нами рассматриваемое, по всей справедливости названо поэмою» [9, с. 12–13].

Таким образом, А.Ф. Воейков сразу же встраивает произведение А.С. Пушкина в мировой литературный процесс. Но тон, который допустил критик в отношении автора разбираемого им произведения, назидательно-насмешливый в отношении языка поэмы и раздражительно-неприятный по отношению к литературному направлению, избранному начинающим поэтом, вызвал отдельную дискуссию в литературных кругах. Поэт и критик И.И. Дмитриев, например, отмечая, что «Воейкова замечания почти все справедливы» и даже разделяя его мнение, что А.С. Пушкин и впрямь забывает о нравственности и «часто впадает в бюрлеск», с грустью говорит о А.Ф. Воейкове: «Наши журналисты всё еще не научатся критиковать учтиво» [10, с. 141]. А поэт и переводчик А.А. Перовский в статьях, опубликованных в «Сыне Отечества», замечает, что «основательный разбор... поэмы, пояснённый светом истинной критики, был бы полезен и занимателен. – Мы желаем только, чтобы труд сей на себя принял писатель опытнее, учёнее и учтивее г-на В.» [11, с. 86], и сообщает, что не может «не пожалеть о сочинителе поэмы, который при первом почти шаге на Парнасе встречает таких судей» [12, с. 39].

Столь же агрессивно, как и разбор А.Ф. Воейкова, написана анонимная критическая статья в «Невском зрителе», автор которой издевательски сообщает читателям о поэме: «Какою смелою и роскошною рукой раскидывает он красоты поэзии! в стихах его то живость, то легкость – кажется, будто они выливались у него сами собою. Так велико и неприметно искусство! – Им одушевлены описываемые предметы, многие картины прекрасны. Всё показывает в нём поэта. При всём том надобно жалеть, что дарование не избрало для себя более благородного и возвышенного предмета, а обратилось на такой, который мог занимать тогда только, когда *ум* и *знания* были ещё в младенчестве. Кто бы подумал до появления сего произведения, что, при нынешнем состоянии просвещения, старинная сказка “Еруслан Лазаревич” найдёт себе подражателей? Теперь можно надеяться, что у нас расплодятся и Бовы Королевичи и Ильи Муромцы» [13, с. 67]. И далее, подводя итоги, автор статьи заключает: «Тогда как во Франции

в конце минувшего столетия стали в великом множестве появляться подобные сему произведения, произошёл не только упадок словесности, но и самой нравственности» [13, с. 80].

С этим согласен и публицист, литературный критик, будущий декабрист Н.И. Кутузов, противопоставивший «Руслану и Людмиле» в качестве образца высокой гражданской поэзии «Слово о полку Игореве»: «Станем надеяться, будем просить Пушкина, дабы перестроил лиру свою для его славы и славы земли родной. Ибо всё исчезает в мире; звук оружия замирает на полях славы; клики победные заглушаются полетом времени; одни произведения ума, переживая веки, передают потомству дела величия народов, возвышенность чувств и понятий наших» [14, с. 210]. Но при этом он явственно осознаёт опасность критики, отступающей от законов разума и приличия.

Между тем дискуссия, развернувшаяся вокруг поэмы, была воспринята как своего рода рекламная акция. «Известная всем поэма “Руслан и Людмила”, может быть, своєю известностию не столько обязана собственным достоинствам, сколько критикам, антикритикам и антиантикритикам. Вы спросите: почему я так думаю? – Потому что сии шумные споры заставили каждого прочесть её; между тем как некоторые творения лучших наших писателей, которых лезть и невежество провозгласили совершенными и неприкосновенными, лежат в книжных лавках или же в домашних библиотеках без всякого употребления», – уверенно заявлял А.Г. Глаголев в письме, опубликованном в «Вестнике Европы» и адресованном М.Т. Каченовскому, издававшему этот журнал [15, с. 69].

Такова была первая попытка сформировать литературную репутацию А.С. Пушкина, оказавшая влияние не только на вектор дальнейшего анализа его произведений, но и на траекторию его дальнейшего творчества.

Изначальная редакция поэмы «Руслан и Людмила», подвергшаяся при последующих изданиях корректировке, содержала немало фривольностей. Так, например, был исключён фрагмент из второй песни:

Вы знаете, что наша дева
 Была одета в эту ночь,
 По обстоятельствам, точь-в-точь
 Как наша прабабушка Ева.
 Наряд невинный и простой!
 Наряд Амура и Природы!
 Как жаль, что вышел он из моды! (III, с. 45).

А в четвёртой песне был значительно сокращён и переработан такой фрагмент:

Что будет с бедною Княжной?
 О страшный вид! Волшебник хилый
 Ласкает сморщенной рукой
 Младые прелести Людмилы;
 К её пленительным устам,
 Прильнув увядшими устами,
 Он, вопреки своим годам,
 Уж мыслит хладными трудами
 Сорвать сей нежный, тайный цвет,

Хранимый Лелем для другого.
Уже... но бремя поздних лет
Тягчит бесстыдника седого –
Стоная, дряхлый чародей,
В бессильной дерзости своей,
Пред сонной девой упадает;
В нём сердце ноет, плачет он (III, с. 97).

Оставим за рамками данного исследования историю переработки текста поэмы, мысль о которой не оставляла поэта на протяжении всей его жизни (см. [16]). Об этом, кстати, свидетельствует и композитор М.И. Глинка в своих мемуарах: «На одном из вечеров Жуковского Пушкин, говоря о поэме своей “Руслан и Людмила”, сказал, что он бы многое переделал» (IV, с. 79). Однако нигде нет упоминаний о характере возможных переделок.

В предисловии ко второму изданию, вышедшему в 1828 г., сам автор рассказывает дискуссию, развернувшуюся между критиками, не выражая при этом собственного суждения по разбираемым в них вопросам. Он лишь замечает, что ему «было двадцать лет от роду, когда кончил он Руслана и Людмилу. Он начал свою поэму, будучи ещё воспитанником Царскосельского лицея и продолжал её среди самой рассеянной жизни. Этим до некоторой степени можно извинить её недостатки» (V, с. V).

К этому времени литературная репутация А.С. Пушкина начинает срастаться с литературным мифом – неосознанно-художественной интерпретацией глубоко личностных переживаний о судьбе писателя. Собственно литературный миф как совокупность переживаемых категорий мысли и жизни, обладающая своей субъективной истинностью, достоверностью, закономерностью и структурой и в то же время содержащая в себе возможность отрешённости от реального хода событий, в отношении А.С. Пушкина стал формироваться почти одновременно с литературной репутацией.

Миф о чудо-ребенке, сложившийся в до-лицейский период¹, подкрепляется в период пост-лицейский самим поэтом в первой его поэме, где, по мнению ряда исследователей, в аллегорической форме воспроизводится противостояние двух литературных обществ – «Арзамаса», членом которого числился и А.С. Пушкин, и «Беседы любителей русского слова», защищавшего архаические литературные вкусы и традиции (см. об этом [17]). Это противостояние в юношеском произведении на старую былинную русскую тематику, изложенную современным европейским языком, содержит в себе множество различных пластов – от тематического и нарративного до стилистического. Справедливо

¹ Так, например, В.А. Жуковский в письме к П.А. Вяземскому 19 сентября 1815 г. сообщил: «Я сделал ещё приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском Селе. Милое, живое творение! <...> Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не мешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастёт. Ему надобно непременно учиться, и учиться не так, как мы учились! Боюсь я за него этого убийственного лицея – там учат дурно! Учение, худо предлагаемое, теряет прелесть для молодой, пылкой души, которой приятнее творить, нежели трудиться и собирать материал для солидного здания! Он истощит себя. Я бы желал переселить его года на три, на четыре в Гёттинген или в какой-нибудь другой немецкий университет! Даже Дерпт лучше Сарского Села. Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки, – прекрасное! Это лучшее его произведение! Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит около чужих идей и картин. Но когда запасётся собственными, увидишь, что из него выйдет!» (URL: <http://zhukovskiy.lit-info.ru/zhukovskiy/pisma/pismo-73.htm>).

указал О.А. Проскурин: «Современники не смогли оценить заложенного в “Руслане и Людмиле” принципа игровой двупланности и поэтической амбивалентности. Поэтому они не смогли оценить и заключённый в ней игровой диалог Пушкина со старшими поэтами» [18, с. 52].

Крупнейшим поэтом «Арзамаса» был В.А. Жуковский. И именно в этом литературном сообществе он выступал наставником юного поэта, что, возможно, и отразилось в дарственной надписи на портрете В.А. Жуковского, сделанной через два года после распада «Арзамаса»: «Победителю-ученику от побеждённого учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму “Руслан и Людмила”. 1820 марта 26. Великая Пятница» (VI, с. 174).

Проанализировав смысловое содержание надписи и отметив, что термин «высокаторжественный день» в лексиконе В.А. Жуковского означает «событие, связанное с монархом» (рождение престолонаследника или его коронация), а отсылка к Великой Пятнице – указание на крестную муку Христа, предшествующую Его прославлению, О.А. Проскурин подчеркивает: «Надпись Жуковского – двусмысленна, как двусмысленна сама пушкинская поэма. Наряду с серьёзным и иницирующим смыслом, у слов Жуковского есть и второй смысл, шутливо-иронический (“арзамасский”). Надписывая свой портрет, Жуковский явно имел в виду и второй, пародийный план пушкинской поэмы: он признавал, что Пушкин “превозмог” его на пути пародической игры, то есть оказался не только царём поэзии, но и царём царства пародии» [18, с. 54].

В конце 1810-х годов «арзамасцы» поддерживали веру в предназначённость высокого поэтического дарования А.С. Пушкина. Подтверждением этому могут служить строки из письма А.И. Тургенева П.А. Вяземскому: «Племянник [А.С. Пушкин] почти кончил свою поэму. Пора в печать. Я надеюсь от печати и другой пользы, личной для него: увидев себя в числе напечатанных и, следовательно, уважаемых авторов, он и сам станет уважать себя и несколько остепенится. Теперь его знают только по мелким стихам и по крупным шалостям» (VII, с. 23).

«Крупные шалости», упоминающиеся в письме, ко времени публикации «Руслана и Людмилы» составили отдельное направление в пушкинском литературном мифе.

«Пушкин не стеснялся в выражениях, и его острые словечки врезывались в память. 13 октября 1818 года Николай Тургенев писал в Париж Сергею: “...сравнивая недавно наш век с веком Екатерины, мы нашли, что тогда было более умных и истинно смелых людей, чем теперь. Беда, как мы в просвещении пойдём назад. По крайней мере идти недалеко. “Мы на первой станции образованности”, – сказал я недавно молодому Пушкину. “Да, – отвечал он, – мы в Чёрной Грязи””. Чёрная Грязь – первая станция на почтовом тракте Москва–Петербург» [19, с. 166]. К тому же свободолюбивые и антирелигиозные стихи А.С. Пушкина распространялись в списках, поддерживая его репутацию антиклерикала и вольнодумца². Это привлекло внимание властей³, но «Пушкина

² Так, например, в «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» значится: «А.И. Тургенев пишет А.Я. Булгакову в Москву, “что на сих днях” соберёт у “себя всю братию”; “не могу сказать вся христиане, потому что будет и молодой Пушкин”» (VI, с. 159).

дело кончилось очень хорошо, – писал Н.И. Тургенев брату в апрельском письме 1820 г. – У него требовали его оды и стихов. Он написал их в кабинете графа Милорадовича. Как сей последний, так и сам государь, сказали, что он ничего не должен опасаться и что это ему не повредит и по службе. Он теперь собирався ехать с молодым Раевским в Киев и в Крым» (VIII, с. 299).

Причина высылки автора только что вышедшей поэмы «Руслан и Людмила» из столицы в мае 1820 г. откровенно называется в письме К.В. Нессельроде, под началом которого в Коллегии иностранных дел служит А.С. Пушкин: «Несколько поэтических пьес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства. При величайших красотах концепции и слога, это последнее произведение запечатлено опасными принципами, навеянными направлением времени или, лучше сказать, той анархической доктриной, которую по недобросовестности называют системою человеческих прав, свободы и независимости народов. <...> Его покровители полагают, что его раскаяние искренне и что, удалив его на некоторое время из Петербурга, доставив ему занятие и окружив его добрыми примерами, можно сделать из него прекрасного слугу государству или, по крайней мере, писателя первой величины...» (VI, с. 170).

Эти три направления – одно, сформированное литературной репутацией (включённость в мировое художественное пространство), и два, сложившиеся в литературном мифе (предзаданная гениальность и смелое противостояние властям), – определили дальнейшее восприятие А.С. Пушкина российским обществом. В условиях моностилизма, когда информационно-идеологическое пространство однородно, эти три грани образа, распространяясь, не встречали препятствий в виде альтернативных суждений. Тем более что сам писатель всячески поддерживал этот конструкт, концептуально интегрируя темпоральный опыт в пространственно-визуальные образы, семантические фреймы и нарративы.

А.Д. Синявский (Абрам Терц), ссылаясь на мемуары современников, подмечает: «Сведения о каждом его шаге сообщались во все концы России, – вспоминает П.А. Вяземский. – Пушкин так умел обстановливать свои выходы, что на первых порах самые лучшие его друзья приходили в ужас и распускали вести под этим первым впечатлением. Нет сомнения, что Пушкин производил и смолоду впечатление на всю Россию не одним своим поэтическим талантом. Его выходы много содействовали его популярности, и самая загадочность его характера обращала внимание на человека, от которого всегда можно было ожидать неожиданное» [20, с. 74–75]. Всю свою жизнь А.С. Пушкин выстраивал по законам литературного жанра: предисловие – история о Ганнибале, арапе Петра Великого, зачин – благословляющий поэта на литературные подвиги Г.Р. Державин, драматические приключения – ссылки на Юг и в Михайловское, кульминация – роковая дуэль и послесловие, которое ему подарила сама жизнь, – похороны, ставшие своеобразным митингом-чествованием. А.С. Пушкин заботился о конструировании своего литературного мифа как целостного продукта,

³ См. письмо Н.М. Карамзина: «Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное (это между нами): служа под знаменами либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей, и проч. и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде, однако ж, из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание унять» (Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 286–287).

а потому он, по свидетельству П.А. Вяземского, «не любил слыть в обществе стихотворцем и сочинителем. Таковым охотно являлся он в кабинете Жуковского или Крылова. Но в обществе хотел он быть принимаем как Александр Сергеевич Пушкин» (IX, с. 135).

Параллельно с этим шло и формирование литературной репутации. Отметим, что литературно-критический дискурс о творчестве поэта при всём его единстве всё же разделил критиков по признаку отношения к степени значимости создаваемых произведений и направленности развития интеллектуального потенциала А.С. Пушкина; однако, «несмотря на принципиальное несходство эстетических и литературных взглядов, все <...> совпадали в одном – творчество Пушкина становится центральным пунктом их интересов и (что более важно) активной попыткой ввести в “свободную стихию” некий системообразующий порядок и подчинить ему писательскую деятельность героя, т. е. завладеть пушкинским дискурсом с целью дальнейшего управления им», – справедливо подчеркнул Ю.В. Шатин [21, с. 184–185].

Литературная репутация А.С. Пушкина ещё не выступала предметом специального анализа исследователей⁴, однако именно она стала определяющей в пушкиноведении, причём во всех его направлениях – биографическом, творческом, краеведческом и проч. Как заметил В.Н Попов, «собственно литературное творчество не всегда определяет литературную репутацию. Установлено обратное влияние: репутация писателя определяет отношение к его творчеству» [22, с. 178]. Проблема публичного поведения формировала к поэту особое отношение, придавала ему своего рода сакральный статус, практически не позволяющий сегодня отделить восприятие современниками социальной личности А.С. Пушкина от оценки его творческого наследия.

«По своей устойчивости и распространённости миф о “Пушкине-декабристе” сравним только с противоположным по содержанию мифом о “Пушкине-сервилисте”, – констатирует И.В. Немировский. – Очень часто интерпретация пушкинских произведений существенным образом зависит от того, внутри какой биографической парадигмы они рассматриваются. Так, например, “Медный всадник” может быть оценён как “апофеоз Петра” и абсолютизма вообще в рамках мифа о “Пушкине – друге монархии” или же как аллегория декабрьского восстания в рамках мифа “Пушкин – несостоявшийся декабрист”» [23, с. 262].

Смерть А.С. Пушкина, которую можно квалифицировать как результат его неуёмной страсти, – а поэт воспринимался частью общества или как «жертва легкомысленной, кокетливой жены, которая без дурных с её стороны намерений сделалась виновницей сплетней, злоречия и скандала, окончившегося этим гибельным дуэлем» (X, с. 72), или даже как хитроумный самоубийца: «Пушкин сам сообщил ей о своём намерении искать смерти», (XI, с. 90) – в итоге всё же была зафиксирована в общественном сознании как месть властей за политические взгляды поэта.

⁴ Среди наиболее значительных по этому вопросу можно назвать следующие труды: Легенды и мифы о Пушкине: Сб. ст. СПб., 1995. 352 с.; Немировский И.В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. 352 с.; Дубровский А.В. Стихотворная псевдопушкиниана: Исслед. текстов, приписываемых А.С. Пушкину: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 184 с.; Краюшкина Н.Н. Литературная репутация А.С. Пушкина в 1830-е годы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 313 с.

«Вынос тела был совершён ночью в присутствии родных. <...> Начальник штаба корпуса жандармов Дубельт в сопровождении около двадцати штаб-и обер-офицеров присутствовал при выносе, – вспоминал П.П. Вяземский. – По соседним дворам были расставлены пикеты: всё выражало предвиденье, что в мирной среде друзей покойного может произойти смута. <...> Развернутые вооружённые силы вовсе не соответствовали малочисленным и крайне смиренным друзьям Пушкина, собравшимся на вынос тела. Но дело в том, что назначенный день и место выноса были изменены; список лиц, допущенных к присутствованию в печальной процессии, был крайне ограничен, и самые энергические и вполне осязательные меры были приняты для недопущения лиц неприглашённых» (XII, с. 198).

Для опасений были причины. Е.Н. Мещерская отмечала: «В течение трёх дней, в которые тело его оставалось в доме, множество людей всех возрастов и всякого звания беспрерывно теснилось пёстрою толпой вокруг его гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести» (XII, с. 389).

Эти свидетельства подтверждаются многократно. Так, например, А.Н. Аммосов со слов К.К. Данзаса отмечал: «Подъезд с утра был атакован публикой до такой степени, что Данзас должен был обратиться в Преображенский полк с просьбою поставить у крыльца часовых, чтобы восстановить какой-нибудь порядок: густая масса собравшихся загораживала на большое расстояние всё пространство перед квартирой Пушкина, к крыльцу почти не было возможности протискаться» (XII, с. 379). А П.П. Вяземский рассказывал о недоразумении, случившемся в квартире покойного поэта: «Граф П.П. Ш., весьма почтенный человек со студенческой скамьи, приехав поклониться праху покойного поэта, спросил меня, не может ли он видеть портрета Пушкина, писанного знаменитым Кипренским. Я отворил дверь в соседнюю комнату и спросил почтенную даму, вошедшую в соседнюю гостиную: можно ли показать такому-то портрет Пушкина. Пожилая дама выпорхнула в другую дверь и с ужасом объявила, что шайка студентов ворвалась в квартиру для оскорбления вдовы» (XII, с. 199).

Анализируя причины такого равнодушия общества, В.А. Жуковский констатировал: «Если бы Пушкин умер после долговременной болезни или после быстрого удара, о нём бы пожалели, общее чувство национальной потери выразилось бы в разговорах, каких-нибудь статьях, стихами или прозою; в обществе поговорили бы о нём и скоро бы замолчали, придав его памяти современников, умевших ценить его высокое дарование, и потомству, которое, конечно, сохранит к нему чистое уважение. Но Пушкин умирает убитый на дуэли, и убийца его француз, принятый в нашу службу с отличием; этот француз преследовал жену Пушкина и за тот стыд, который нанёс его чести, ещё убил его на дуэли. Вот обстоятельства, поразившие вдруг всё общество и сделавшиеся известными во всех классах народа, от Гостиного двора до петербургских салонов. <...> Весьма естественно, что, после того как распространилась в городе весть о гибели Пушкина, поднялось много разных толков; весьма естественно, что во многих энтузиазм к нему как к любимому русскому поэту оживился безвременно трагическою смертию (в этом чувстве нет ничего враждебного; оно,

напротив, благородное и делает честь нации, ибо изъявляет, что она дорожит своею славою); весьма естественно, что этот энтузиазм, смотря по разным характерам, выражался различно, в одних с благоразумием умеренности, в других с излишнею пылкостью; в других, и, вероятно, во многих, было соединено с негодованием против убийцы Пушкина, может быть, и с выражением мщения. Всё это в порядке вещей» (XII, с. 416–417).

Не стремясь противодействовать этому мнению, пушкинский круг озабочился мифологизацией биографии поэта. «Чтобы не пересказать лишнего или не недосказать нужного – каждый друг Пушкина должен молчать. <...> По этой-то причине пусть пишут о нём не знавшие его», – заявлял С.А. Соболевский в 1855 г. (IX, с. 24).

Итак, генезис социального образотворчества как места причудливого слияния в общественном сознании литературной репутации и литературного мифа лежит в прижизненной критике и мемуаристике пушкинского круга. С первых публикаций поэта его стал сопровождать шлейф мистификаций и мифологического осмысления его биографии. Вся дальнейшая пушкиниана – это лишь развитие тех идей, которые были воплощены в прижизненных публицистических текстах об А.С. Пушкине.

Источники

- I – Отрывок из третьей песни поэмы «Людмила и Руслан» // Сын отечества. – 1820. – 10 апр. – Ч. 61, № 15. – С. 120–128.
- II – *Пушкин А.С.* Отрывок из первой песни поэмы «Руслан и Людмила» // Невский зритель. – 1820. – 13 апр. – Ч. I. – С. 44–52.
- III – *Пушкин А.С.* Руслан и Людмила: Поэма в шести песнях. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1820. – 142 с.
- IV – *Глинка М.И.* Записки. – М.: Музыка, 1988. – 222 с.
- V – *Пушкин А.С.* Руслан и Людмила: Поэма. Изд-е второе, испр. и умнож. – СПб: Тип. Департамента Народн. Просвещения, 1828. – 159 с.
- VI – Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: в 4 т. / Сост. М.А. Цявловский. – М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. – Т. I: 1799–1824. – 592 с.
- VII – Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым: 1820–1823. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – 371 с.
- VIII – *Тургенев Н.И.* Письма к брату С.И. Тургеневу. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 588 с.
- IX – А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 1. – 543 с.
- X – *Вайнштейн А.Л., Павлова В.П.* Пушкин в воспоминаниях Г.П. Небольсина // Временник Пушкинской комиссии. – Л.: Наука, 1971. – С. 69–72.
- XI – *Семевский М.И.* К биографии Пушкина: Выдержки из записной книжки // Рус. Вестн. – 1869. – № 11. – С. 60–107.
- XII – А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 2. – 575 с.

Литература

1. *Костионова М.В.* Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования: (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 523 с.
2. *Эпштейн М.Н.* Вера и образ. Религиозное бессознательное в русской культуре 20-го века. – Тенафлай: Эрмитаж, 1994. – 270 с.
3. *Загидуллина М.В.* Пушкинский миф в конце XX века. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2001. – 243 с.
4. *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. – М.: НЛЮ, 2001. – 329 с.
5. *Житель Бутырской слободы.* Еще критика (Письмо редактору) // Вестн. Европы. – 1820. – 28 июня. – Ч. 111, № 11. – С. 213–220.
6. ...ев. К издателю «Сына Отечества» // Сын Отечества. – 1820. – 31 июля. – Ч. 63, № 31. – С. 228–232.
7. *Житель Бутырской слободы.* Ответ на письмо к издателю «Сына Отечества» // Вестн. Европы. – 1820. – 9 сент. – Ч. 112, № 16. – С. 286–296.
8. *В[оейков А.Ф].* Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина // Сын Отечества. – 1820. – 11 сент. – Ч. 64, № 37. – С. 145–155.
9. *В[оейков А.Ф].* Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина // Сын Отечества. – 1820. – 21 авг. – Ч. 64, № 34. – С. 12–32.
10. *Дмитриев И.И.* Письма к князю П.А. Вяземскому 1810–1836 годов // Старина и новизна. – СПб., 1898. – Кн. 2. – С. 117–263.
11. *П. К-в.* Замечания на разбор поэмы «Руслан и Людмила», напечатанный в 34, 35, 36 и 37 книжках «Сына отечества» (Письмо к издателю) // Сын Отечества – 1820. – 16 окт. – Ч. 65, № 42. – С. 72–86.
12. *К. Григорий Б-в.* Замечание на письмо к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила» (Письмо к издателю) // Сын Отечества. – 1820. – 9 окт. – Ч. 65, № 41. – С. 39–44.
13. Замечания на поэму «Руслан и Людмила» в шести песнях, соч. А. Пушкина // Невский зритель. – 1820. – 21 сент. – Ч. 3, № 7. – С. 67–80.
14. *Кутузов Н.И.* Аполлон с семейством // Сын Отечества. – 1821. – 29 янв. – Ч. 67, № 5. – С. 193–210.
15. *Юноша Белого города.* Письмо к Лужницкому Старцу // Вестн. Европы. – 1821. – 23 марта. – Ч. 116, № 5. – С. 65–70.
16. *Шлионский Л.И.* К вопросу о дефинитивном тексте поэмы «Руслан и Людмила» // Пушкин: Исследования и материалы: в 15 т. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – Т. 3. – С. 378–401.
17. *Тарасова Л.В.* Поэма «Руслан и Людмила» как выражение авторской позиции А.С. Пушкина в контексте русской литературной традиции конца XVIII – первой четверти XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2007. – 169 с.
18. *Проскурин О.А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. – М.: НЛЮ, 2001. – 462 с.
19. *Гиллельсон М.И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. – Л.: Наука, 1974. – 224 с.
20. *Терц А.* Прогулки с Пушкиным. – М.: Глобулус: Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. – 112 с.
21. *Шатин Ю.В.* Пушкинский дискурс в русской критике // Критика и семиотика. – 2007. – Вып. 11. – С. 183–191.
22. *Попов В.Н.* Н.Е. Струйский и проблема литературной репутации: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 187 с.

23. *Немировский И.В.* Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. – СПб.: Гиперион, 2003. – 352 с.

Поступила в редакцию
16.04.18

Туманов Дмитрий Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: dvt1964@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 4, pp. 943–955

**The Beginning of Image Development by the Society
in the Interpretation of A.S. Pushkin's Works during His Lifetime**

D.V. Tumanov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: dvt1964@yandex.ru

Received April 16, 2018

Abstract

The genesis of the mythologization of the biography and creative heritage of A.S. Pushkin has been discussed. Social imagery is the area of synthesis in the public consciousness of literary reputation and literary myth. The stages of its formation in the lifetime criticism and memoirs of A.S. Pushkin's circle have been considered. It has been emphasized that the creativity and personality of the poet became for the first time of interest at the early stage of his development: the first attempt to form the literary reputation of the poet influenced not only the vector of subsequent analysis of his works, but also the trajectory of his creative work. With the active participation of the writer, his literary reputation merged with the literary myth about him. The paper shows how this construct developed as a result of the conceptual integration of the temporal experience into the spatial-visual images, semantic frames and narratives.

Keywords: A.S. Pushkin, image development in society, literary reputation, literary myth, mystification, non-fiction Pushkiniana

References

1. Kostionova M.V. Literary reputation of a writer in Russia: Translation as a reflection and a factor of formation: (Russian translations of the Pickwick Papers by Ch. Dickens). *Cand. Philol. Sci. Diss.* Moscow, 2015. 523 p. (In Russian)
2. Epstein M.N. *Vera i obraz. Religioznoe bessoznatel'noe v russkoi kul'ture 20-go veka* [Faith and Image. The Religious Unconscious in Russian Culture of the 20th Century]. Tenafly, Ermitazh, 1994. 270 p. (In Russian)
3. Zagidullina M.V. *Pushkinskii mif v kontse XX veka* [The Pushkin Myth at the End of the 20th Century]. Chelyabinsk, Chelyab. Gos. Univ., 2001. 243 p. (In Russian)
4. Reitblat A.I. *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi epokhi* [How Pushkin Became a Genius: Historical and Sociological Essays on the Literary Culture of the Pushkin Era]. Moscow, NLO, 2001. 329 p. (In Russian)

5. Zhitel' Butyrskoi slobody. More criticism (a letter to the editor). *Vestnik Evropy*, 1820, June 28, pt. 111, no. 11, pp. 213–220. (In Russian)
6. ...ev. To the publisher of the *Syn Otechestva*. *Syn Otechestva*, 1820, July 31, pt. 63, no. 31, pp. 228–220. (In Russian)
7. Zhitel' Butyrskoi slobody. A reply to the letter to the publisher of the *Syn Otechestva*. *Vestnik Evropy*, 1820, Sept. 9, pt. 112, no. 16, pp. 286–296. (In Russian)
8. V[oelikov A.F.]. Analysis of the poem “Ruslan and Ludmila”, by Alexander Pushkin. *Syn Otechestva*, 1820, Sept. 11, pt. 64, no. 37, pp. 145–155. (In Russian)
9. V[oelikov A.F.]. Analysis of the poem “Ruslan and Ludmila”, by Alexander Pushkin. *Syn Otechestva*, 1820, Aug. 21, pt. 64, no. 34, pp. 12–32. (In Russian)
10. Dmitriev I.I. Letters to the prince P.A. Vyazemsky of 1810–1836. *Starina i Novizna*, 1898, no. 2, pp. 117–263. (In Russian)
11. P. K-v. Commentaries on the review of the poem “Ruslan and Ludmila” published in issues no. 34, 35, 36, and 37 of “*Syn Otechestva*” (a letter to the publisher). *Syn Otechestva*, 1820, Oct. 16, pt. 65, no. 42, pp. 72–86. (In Russian)
12. K. Grigorii B.-v. A comment on the letter to the reviewer of the poem “Ruslan and Ludmila” (a letter to the publisher). *Syn Otechestva*, 1820, Oct. 9, pt. 65, no. 41, pp. 39–44. (In Russian)
13. Comments on the poem “Ruslan and Ludmila” in six songs, by A. Pushkin. *Nevskii Zritel'*, 1820, Sept. 21, pt. 3, no. 7, pp. 67–80. (In Russian)
14. Kutuzov N.I. Apollo with family. *Syn Otechestva*, 1821, Jan. 29, pt. 67, no. 5, pp. 193–210. (In Russian)
15. Yunosha Belogo goroda. A letter to the Luzhnitsky elder. *Vestnik Evropy*, 1821, March 23, pt. 116, no. 5, pp. 65–70. (In Russian)
16. Shlionskii L.I. On the problem of the definitive text of the poem “Ruslan and Ludmila”. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Research and Materials]. Vol. 3. Moscow, Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1960, pp. 378–401. (In Russian)
17. Tarasova L.V. The poem “Ruslan and Ludmila” as an expression of the author’s position of A.S. Pushkin in the context of the Russian literary tradition of the late 18th – first quarter of the 19th centuries. *Cand. Philol. Sci. Diss.* Saransk, 2007. 169 p. (In Russian)
18. Proskurin O.A. *Poeziya Pushkina, ili Podvizhnyi palimpsest* [Pushkin’s Poetry, or a Moving Palimpsest]. Moscow, NLO, 2001. 462 p. (In Russian)
19. Gille'son M.I. *Molodoi Pushkin i arzamasskoe bratstvo* [Young Pushkin and Arzamas Society]. Leningrad, Nauka, 1974. 224 p. (In Russian)
20. Terts A. *Progulki s Pushkinym* [Walking with Pushkin]. Moscow, Globulus, Izd. Nauchn. Tsentra ENAS, 2005. 112 p. (In Russian)
21. Shatin Yu.V. Pushkin’s discourse in Russian criticism. *Kritika i Semiotika*, 2007, no. 11, pp. 183–191. (In Russian)
22. Popov V.N. N.E. Struiskii and the problem of literary reputation. *Cand. Philol. Sci. Diss.* Moscow, 2011. 187 p. (In Russian)
23. Nemirovskii I.V. *Tvorchestvo Pushkina i problema publichnogo povedeniya poeta* [Pushkin’s Works and the Problem of the Poet’s Public Behavior]. St. Petersburg, Giperion, 2003. 352 p. (In Russian)

Для цитирования: Туманов Д.В. Истоки социального образотворчества в прижизненной интерпретации творчества А.С. Пушкина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 4. – С. 943–955.

For citation: Tumanov D.V. The beginning of image development by the society in the interpretation of A.S. Pushkin’s works during his lifetime. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 943–955. (In Russian)